

мысль... к невестественному и божественному свету». При этом «чувственное око» они обращали к созерцанию икон, чем достигали исихастского состояния озарения: «божественные радости и светлости исполняхуся». Иосиф Волоцкий подчеркивал, что подобной практикой они занимались не только во время работы, «но и в прочая дни, егда живописательству не прилежаху»⁷³. Философские и стилевые находки этих мастеров получили применение и развитие в русском искусстве XV в.

* * *

В представлении современного человека стремление к моральным ценностям несовместимо с мыслью о полном перерождении личности под воздействием энергии божества. Казалось бы, этический уклон русской живописи с ее вниманием к человеку прямо противоположен феофановской апологии обожения. Но для богослова эти принципы равноценны. Один из популярнейших в России XV в. ранневизантийских писателей-аскетов авва Дорофей писал, что любовь к себе подобным так же приближает к богу, как любовь к богу сближает людей между собой⁷⁴.

Философское разногласие между Рублевым и Феофаном Греком получило разрешение в творчестве Дионисия. Принцип утверждения добра, обусловленный рублевской традицией, возобладали у Дионисия именно благодаря развитию духовного начала. Этого требовали и новые задачи церковной идеологии, и условия борьбы против новгородско-московских еретиков второй половины XV в., и, наконец, необходимость преодолеть творческие разногласия среди иконописцев.

Технические приемы, выработанные в результате переосмысления исихастских идей, открывали широкий простор для формальных экспериментов. Но погоня за помпезной красотой, импонирующей определенным светским заказчикам, лишала эти приемы всякого смысла. Он был вытеснен парадным великолепием костюмов, церемониальной торжественностью намеренно усложненных композиций.

На первый взгляд, противники этого направления во главе с Дионисием⁷⁵ пользовались теми же выразительными средствами. Едва ли не в большей мере интересовались они вопросами формы и цвета. Их композиции пронизаны замедленным ритмом. Движения фигур полны благородной сдержанности. Красочность одежд волнует воображение. Однако для этих мастеров целью живописных поисков было философское проникновение в сущность явлений.

Симеон Новый Богослов, основываясь на евангельском учении⁷⁶, писал, что «...святые, будучи освещаемы... ангелами, ... делаютя равночестными с ними и подобными им»⁷⁷. Григорий Палама, со свойственной ему осторожностью, комментировал: «Хотя по образу божью мы более, чем ангелы, по подобию гораздо ниже добрых ангелов»⁷⁸. Иначе рассуждал Синаит: «Жизнью подобен (ὁμοιάτος) ангелам, как бы бесплотен и нетленен человек, очистивший ум слезами»⁷⁹. Современник Дионисия Нил Сорский прямо утверждает, что совершенного духовно человека бог «ангелам равна показает» и «лучша тех створить»⁸⁰.

⁷³ См. ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 12.

⁷⁴ PG. t. 88, col. 1696 B—C.

⁷⁵ Н. К. Голейзовский. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV—XVI вв.— ВВ, т. XXVI, 1965, стр. 233—234.

⁷⁶ «...Сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых... равны ангелам...» (Лука, 20, 35—36).

⁷⁷ Симеон Новый Богослов. Слова, вып. II, стр. 560.

⁷⁸ PG, т. 150, col. 64.

⁷⁹ «Ангелом единокителен бывает, малом чим, и бесплотен яко нетленен, иже оум слезами очистив...» (Главы с краегранесием, *жр.* 45. Сборник 1431 г., л. 314). Ср. Добролюбие в славянском переводе, ч. I, л. 93.

⁸⁰ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 29.